

Отилия Хедешан, Наталия Голант

Карнавал в румынском Банате: полевые исследования в Молдова-Ноуэ

Банат издавна был местом сосуществования различных этносов и культур. Его земли в разные периоды входили в состав Римской империи, Венгерского королевства, Османской империи, Габсбургской империи, а затем Австро-Венгрии. В настоящее время около двух третей территории Баната входит в состав Румынии, около трети — в состав Сербии. В период позднего средневековья в Банате жили румыны, сербы и куманы. Во время турецкого владычества здесь появляются турки и славяне-мусульмане; после вхождения Баната в состав империи Габсбургов — немцы, французы, итальянцы, испанцы, болгары-католики, словаки, чехи, украинцы. Крупнейшие этнические общности современного румынского Баната — румыны, венгры, немцы, рома (цыгане) и сербы.

Отилия Хедешан

(*Otilia Hedeşan*)

Тимишоарский Западный
университет, Румыния

Наталия Геннадьевна

Голант

Российский этнографический
музей, Санкт-Петербург

Фашанк: немного географии

Традиция проведения весеннего карнавала на территории Румынии имеет довольно ограниченное распространение. Слово «faşanc» («фашанк»), обозначающее карнавал, *упот-*

реблюют только жители Горного Баната (область на крайнем юго-западе Румынии, округ Караш-Северин), и *понимают* жители всего румынского Баната, а также румыны сербского Баната.

На карте обозначены ареалы распространения термина «фашанк». Светло-синим цветом обозначена область, где *фашанк* ежегодно имеет место, темно-синим — область (гораздо более обширная), жители которой знают, что у их соседей есть этот обычай, и имеют общее представление о том, что это такое. За пределами Баната слово «фашанк» в румынском языке является понятным почти исключительно специалистам в области этнологии.

Эти предварительные замечания предназначены для того, чтобы показать *строго региональный характер* (уточняем: на румынской территории!) обычая, о котором мы будем говорить в дальнейшем. В то же время относительная изоляция этого термина (и соответственно обычая, который он обозначает) от информационного горизонта большей части румын уравнивается тем фактом, что на территориях, расположенных к западу от Баната, и термин (в различных вариациях), и практика, которую он обозначает, можно обнаружить без труда.

Таким образом, являясь для румынской традиционной культуры практикой, имеющей весьма ограниченное распространение, *фашанк* одновременно конфигурирует зону непрерывности традиционных культур Западной Европы, главным образом Европы католической: «[Карнавал] — наиболее богатый праздник на нашем континенте» [Gaignebet 1974: 8]. Существование этого обычая у румын Баната является не простым капризом культурных пережитков, но одним из результатов сложных межкультурных, межконфессиональных и межэтнических отношений в этом регионе. Напомним, что после Пожаревацкого мира 1718 г. одновременно с отвоеванием этих территорий у турок шла активная колонизация Баната, инициированная правительством Габсбургской империи. В течение XVIII–XIX вв. швабы, итальянцы, чехи, испанцы, французы, болгары-католики получали землю в этих районах и селились рядом с румынами и сербами, издавна живущими в Банате.

Фашанк: Немного морфологии

Общим названием *фашанк* обозначаются зрелищные карнавальные практики, которые имеют место в понедельник и вторник¹ первой недели Великого Поста. Эти практики в раз-

¹ Ряд сообщений информантов привязывает этот обычай к «воскресенью, понедельнику и вторнику» в начале Великого Поста, уточняя, как правило, что первый день, воскресенье, был посвящен исключительно детям. В последние годы этот детский карнавал постепенно исчезает из практики,

ных населенных пунктах носят различные названия: *fășanc* (*фашанк*, карнавал), *zilele nebunilor* (дни безумцев), *chipuri* (образы, маски), *urși* (медведи), *berbeci* (бараны), *moși* (старики, предки), *leorfe* (тряпки) и т.д. Все они отмечают переход от периода между Рождеством и Великим постом (для которого характерно отсутствие полевых работ, многочисленные празднества, в первую очередь свадьбы, и употребление большого количества скоромной пищи) к периоду начала весны и поста (когда люди перебираются из домов на открытый воздух, где разворачивается большая часть работ, когда отказываются под угрозой возможных наказаний от тех или иных мифологических существ от любого рода развлечений и употребления скоромной пищи).

Дни *фашанка* являются периодом абсолютной распушенности, когда любое поведение, неприемлемое в остальное время, становится допустимым. Подобно всем карнавалам, банатский *фашанк* институирует мир, «перевернутый вверх дном», в котором «сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью» [Бахтин 1990: 13].

Следствием такого положения вещей является временное построение режима полной свободы, карнавальная свобода, гарантированная масками, которая проявляется в первую очередь в высвобождении *праздничного смеха* [Бахтин 1990: 17]. «Это <...> не индивидуальная реакция на то или иное единичное (отдельное) „смешное“ явление. Карнавальный смех, во-первых, в с е н а р о д е н (всенародность, как мы говорили уже, принадлежит к самой природе карнавала), смеются все, это — смех „на миру“; во-вторых, он у н и в е р с а л е н, он направлен на все и на всех (в том числе и на самих участников карнавала), весь мир представляется смешным, воспринимается и постигается в своем смеховом аспекте, в своей веселой относительности; в-третьих, наконец, этот смех а м б и в а л е н т е н: он веселый, ликующий и — одновременно — насмешливый, высмеивающий, он и отрицает и утверждает, и хоронит и возрождает» [Бахтин 1990: 17; разрядка автора].

но не утрачен полностью. Он заменен Детским Карнавалом, организуемым в школах и проводимым в день, выбранный по договоренности между участниками (Прим. О. Хедешан).

У православных, как известно, Великий Пост начинается с понедельника, тогда как у католиков — со среды (т.н. Пепельная среда). Соответственно именно дни накануне Пепельной среды, понедельник и вторник, у католиков были максимально насыщены карнавальными практиками. У банатских румын, которые в большинстве своем являются православными, основные события *фашанка* также приходятся на понедельник и вторник первой недели Великого поста, однако обычно не совпадают по времени с *фашанком* банатских немцев и др., т.к. у католиков и православных первая неделя Великого поста в большинстве случаев приходится на разное время (Прим. Н. Голант).

«Пластическая хирургия».
Фото Наталии Голант

«Спортивные пари». Фото Наталии Голант

В маленьком регионе Румынии, где сохраняется карнавал, унаследованный, заимствованный, изобретенный и вновь изобретенный, встречаются разнообразные карнавальные сценарии, которые придают индивидуальность его проявлениям в каждой местности. Мы представим здесь морфологию *фашанка* лишь в самых общих чертах.

Используя заново почти любой предмет одежды, от которого члены семьи отказались в течение года и который был сохранен специально для этого события¹, мужчины и юноши из банатских сел надевают маски и карнавальные костюмы и выходят на улицы и площади. Наиболее часто встречается карнавальный костюм, называемый *chip* (маска, образ), представляющий собой что-то вроде спецовки из материала насыщенной окраски, украшенной многочисленными полосками бахромы, дополненный цилиндрическим головным убором из того же материала и куском полотна с прорезями для глаз и рта, закрывающим лицо.

Эти маски обеспечивают общий фон карнавала. Мы не ошибемся, если оценим их как представляющие *нулевую степень* ряжения. Наличие такого костюма позволяет участвовать в *фашанке* не в качестве зрителя, однако не предполагает никакой определенной роли. Эти ряженные — *chipurile* (мн.ч. от *chip*) — дефилируют, по одному или группами, по улицам и площадям в дни праздника, однако традиция не предписывает им каких-либо определенных жестов и действий, которые они должны были бы выполнять.

Рельеф праздника, его постоянно подпитываемое разнообразие выстраивается на двух уровнях: пространственном и временном. Говоря о пространственном уровне, мы имеем в виду тот факт, что каждое село имеет собственные сценарии *фашанка*, а точное следование этим сценариям стало со временем идентифицирующим признаком. Эти типичные сценарии весьма немногочисленны: *urşii* (медведи) — с. Чиклова-Ромына, *berbecii* (бараны) — с. Слатина-Тимиш, *mireasa borfoasă* (временная невеста) — Лэпушнику Маре, *nunta cornilor* (свадьба

¹ Страсть, с какой местные жители говорят о происходящем в течение года накоплении предметов, которые могут быть использованы для изготовления реквизита *фашанка*, тоже заслуживает интереса. Опосредованно мы можем обнаружить здесь одну из форм, в которых проявляется в Румынии вообще и в Банате в частности то, что можно назвать, в терминах англосаксонской литературы, «культурой бедности». Идея заключается в том, что в отсутствие реальных материальных и финансовых ресурсов, которые позволили бы приобрести новые материалы для карнавальных костюмов, используются вторично материалы и предметы, которые больше не являются полезными в хозяйстве. Дела обстоят тем интереснее, что все это происходит в регионе, признанном экономически наиболее процветающим в Румынии, однако — уточним — процветание которого является именно следствием этой экономики и многократного использования внутренних ресурсов хозяйства (см.: [Miller 1995; Chelcea, Lăţea 2000]).

рогов) — с. Рудэрия, *înmormântarea fășancului* (похороны *фашанка*) — с. Гырлиште, *mortul din fășanc* (покойник *фашанка*) — с. Кэрбунарь. Говоря о временном уровне, мы имеем в виду, что в наши дни община высмеивает и выводит на сцену в пародийном звучании основные события (неблаговидные/вызывающие смех/атипичные/шокирующие), которые имели место внутри самой общины, в стране или в мире за последнее время. Адюльтер, местные скандалы, сюжеты популярных телесериалов, а также политические события (такие, как, например, массовые забастовки, в первую очередь знаменитые выступления шахтеров, контрабанда и организованная преступность, памятные военные действия (война в Персидском заливе, взрывы 11 сентября, война в Ираке и т.д.) становятся предлогом для гротескных сценариев в рамках Дней безумцев, облегчая свободное выражение мнений и функционируя как настоящие драматизированные дискурсы основных традиционных идей о морали, добре и зле, правде и лжи, прекрасном и безобразном, пристойном и непристойном [Hedeșan 2005a: 165–184].

Фашанк «в поле». 14 марта 2005 г.

Наши фрагментарные сведения не могут создать полного представления о том, чем же является *фашанк* для жителей Горного Баната [Hedeșan 2005b]¹. Мы представили их как необходимое введение в рамки наблюдений, которые мы осуществляли весной 2005 г. в крупнейшем населенном пункте данной зоны — шахтерском городке Молдова-Ноуэ. Мы решили, что во время полевого исследования Наталия Голант будет делать снимки, а Отилия Хедешан — записывать на аудиокассету последовательность событий. Эти два источника подтверждают достоверность событий, наблюдаемых «в поле».

В первую очередь, снимки, подобно любым фотографиям, «констатируют, удостоверяют, гарантируют». Они принадлежат к области очевидного, это доказательство реальности фактов. Когда держишь их в руках, невозможно отрицать «то, что произошло», или дискутировать о том, существует или не существует то, что «взято» на пленку [Laplantine 2000: 111]. Основное их назначение — справочного типа: они зафиксировали — разумеется, выборочно и субъективно — ключевые мо-

¹ «Пытаясь найти ключ к пониманию специфики традиционной культуры этого региона, автор идентифицирует те традиционные практики, которые подразумевают обязательное участие индивида в данном событии — это касается и молодежи, переехавшей в город, и даже людей, уехавших за границу на работу или на постоянное жительство. Такими событиями являются похороны близких родственников, фашанк и храмовые праздники (*ruga, praznicul*). Подробнее см.: [Hedeșan 2005b].

менты *фашанка* 2005 г., разворачивавшегося в вышеназванном населенном пункте. Лапидарные заметки Отилии Хедешан выстраивают хронологический порядок событий, фиксируют их во времени, даже если они не менее субъективны, предлагая порядок, причинность и логику фактов.

Нужно иметь в виду различные отношения, в которых каждый из авторов состоит с полем, определяемым нами как *Молдова-Ноуэ во время фашанка*. Отилия Хедешан изучает этот обычай в течение почти десяти лет, она лично знакома с основными организаторами карнавала и знает, как эволюционировала эта практика во времени, а потому является по отношению к *фашанку* практически *инсайдером*. Наталия Голант впервые участвует в этом событии и интерпретирует его при помощи того, что Клод Леви-Строс определяет как *le regard éloigné*. Между тем, хотя ни один из местных жителей не принял Отилию Хедешан за «чужую», она не является уроженкой данного региона и всегда участвовала в *фашанке* только в качестве наблюдателя. Но и Наталия Голант не являлась в полной мере «чужой» — будучи этнологом, специализирующимся на изучении весенних обычаев у румын, она имела определенное представление об общем смысле практики и определенный горизонт ожиданий.

В нашем распоряжении большое число снимков и обширная полевая запись. Для этой статьи мы выбрали лишь два сюжета, которые сочли репрезентативными как для практики самой по себе, так и для той проблематики авторефлексивной природы относительно «поля», которую мы обозначили выше. Не предлагая читателю концептуализированный комментарий, мы предпочли прокомментировать свои снимки и полевые заметки в стиле свободного полевого дневника, а не текста обобщенного антропологического исследования.

***Полевые заметки Отилии Хедешан
(14 марта 2005 г., понедельник, 15.55)***

Приближается группа ряженных, которые разыгрывают сценку. Они находятся в стареньком автомобиле «Дачия», на импровизированном деревянном кузове которого имеется надпись «*Pariuri sportive*» («Спортивные пари»). Все сидящие в этой машине и находящиеся рядом с ней одеты в карнавальные костюмы. Один из ряженных кричит: «Возьми билет, возьми билет!». В машине находится монитор от сломанного компьютера. Ряженные заставляют зрителей «делать ставки». Ставки делаются на матч между румынской командой «Стяуа» и испанской «Виллья Реал» (кубок УЕФА, матч должен был состояться через два дня). Это маленький бизнес: каждый «лотерейный

билет» стоит 20 тыс. лей¹. Ряженные разговаривают с хозяином расположенного неподалеку бара. Часть из них заходит в бар. Они выволакивают оттуда хозяина и ведут его к машине, чтобы взять с него деньги. Хозяин бара позволяет себя тащить; видно, что он доволен тем, что оказался первым, к кому привязались ряженные, требуя денег.

16.20. Время от времени персонажи сценки «Спортивные пари» окликают хозяина какого-нибудь магазинчика или просто одного из зрителей и тащат его платить. Человек идет, сопровождаемый ощутимыми толчками в спину, но с видимым удовольствием. Тому, кто делает ставки, хорошо видно происходящее в машине: там сидят двое парней, наряженных как травести, на них нижнее белье ярко-красного цвета; в тот момент, когда кто-либо делает ставку, они демонстрируют свое белье.

Сидящие в машине молодые люди кричат: «У нас есть монитор на продажу!». Разговариваю с участниками сценки. (Слова информанта): *По моему мнению, завтра праздник! Это наш прекрасный фашанк, как говорится. Мы считаем, что сегодня мало людей, мало пришло! Раньше приходило больше.* (Прерывают разговор со мной, т.к. кто-то делает ставку). *Пари (ставка) без НДС — 50 000 лей,* — говорит один из травести, выглядывая сбоку из «кузова» машины, — *это что-то вроде традиции, но в этом году очень слабое движение. Я приехал издалека ради фашанка. — Откуда ты приехал? — Из Австрии. — Ты работаешь в Австрии и приехал ради фашанка? — Да. — Как тебя зовут? — Дан. — И где ты работаешь в Австрии? — Главный офис фирмы находится в Вене, но мы работаем по всей Австрии. — И тебе не было трудно приехать на фашанк? — Да не было мне трудно. То есть я ради этого отказался... То есть я ради фашанка не приехал на Рождество и Новый год домой. Мне разрешили выбрать ... — ...А деньги? — Да дело не в деньгах, в конце концов, дорога оттуда до сюда стоит не так уж дорого. Речь не о прибыли, а о традиции здесь!*

Комментарий Наталии Голант:

Здесь довольно хорошо видны лица двух молодых людей, которые «работают» за сломанным компьютером в «кузове» машины. Они одеты и накрашены как травести. Это в порядке вещей? Переодевание мужчин в женские одежды было типично для карнавалов на Балканах и в Средиземноморье [Кашуба 1977: 243–273; Иванова 1977b: 322–336; Серов 1977: 49–69]. У восточно-романских народов во время праздников мужчины также часто надевали женские костюмы и маски, изображающие

¹ На тот момент — около 20 руб.

женщин. Например, в различных регионах Румынии и Молдовы во время рождественских и новогодних ряжений парни исполняли роли «невесты», «старухи» или «дуры» [Vulcănescu 1970: 133, 140; Попович 1974: 97]. Можно также упомянуть о том, что одним из самых ожидаемых зрителями моментов традиционной румынской свадьбы является момент, когда вместо невесты из ее дома выходит мужчина, наряженный в костюм невесты. Однако румынское традиционное общество в отличие от ряда других не знало замены мужской роли женской в полном смысле этого слова. И все же эти молодые люди изображают не женщин, а именно травести, будто бы не для карнавала, а для реальной жизни, и изображают их весьма качественно. Они напоминают героев фильмов Альмодовара «Все о моей матери» или «Дурное воспитание».

Комментарий Отилии Хедешан:

Я знаю, что *фашанк* в Молдова-Ноуэ всегда идет в ногу с реальностью, с политической и культурной жизнью страны, в большей степени, чем с событиями местного значения. Я видела карнавал, организованный как долгий суд над контрабандистами в Сербии, как веселая забастовка медиков или как комическая инсценировка штурма Бухареста шахтерами Мирона Космы¹. Я видела эти вещи в прошедшие годы, а карнавальные сценарии всегда были современными, злободневными. Я задавалась вопросом, какое из событий года, прошедшего со времени предыдущего карнавала, породит сценарий — звезду *фашанка*—2005. И вот достопамятный матч — безнадежный по причине общего упадка румынского футбола, но именно в силу этого обладающий героическим потенциалом — команд «Стяуа» и «Виллья Реал» — стал главным двигателем политической функции карнавала и выразил, таким образом, идею солидарности и национальной сплоченности².

Это послание в любом случае является неожиданным для карнавала, особенно в условиях того, что примеры из прошлых лет, как правило, являлись критическими посланиями в адрес властей.

Полевая запись Отилии Хедешан. 16.25.

С улицы 1 декабря появилась маленькая группа ряженных в одежде медиков. На спине одного из них имеется надпись

¹ Все эти события отражены в фильме «*Mascații*» («Ряженные»), продюссер Лучиан Ионикэ, научный консультант Отилия Хедешан, фильм создан на Тимишоарской студии Румынского телевидения в 2001 г., съемки производились в г. Молдова-Ноуэ в 1999 г.

² О политической функции и «национальной» цели футбола см., например, *Čolović I. Le bordel des guerriers. Paris* (готовится к печати). Рукопись этого текста была предоставлена мне автором благодаря любезности профессора Винтилэ Михэилеску, за что я выражаю сердечную благодарность обоим (Прим. О. Хедешан).

«Пластическая хирургия». На больничной каталке лежит полностью забинтованный ряженный с задранными вверх ногами, который все время делает непристойные жесты. Одновременно он курит. Слышны измененные голоса ряженных: «Ау, доктор Чому, чертова душа!».

16.40. Группа «Врачей с каталкой» обходит площадь по кругу. У «больного» забинтованы ноги. Его белье ярко-красного цвета. Ему кладут на живот пилу для резки металла, и все кричат: «Доктор Чому!». У него имеется фаллос из дерева (также выкрашенный в красный цвет). Затем он вытаскивает палку магазинной колбасы и кусок ткани [свернутый так, чтобы имитировать фаллос. — Н.Г.]. Фактически у него три фаллоса. Один из идущих рядом с каталкой обращается ко мне (измененным голосом ряженого: *Bitte schön!* (*Пожалуйста!* — нем.) — *Să-l ating, să nu-l ating!* (*Трогать его, не трогать его!* — рум.). Требования продолжаются. Мне все время показывают, без особой непристойности, «фаллосы» из дерева и колбасы (все с той же проблемой). *Avem grosse problem!* (*У нас большая проблема!* — рум., нем.) *Grosse problem!* (*Большая проблема!* — нем.) *Băsescu problem!* (*Бэсеску¹ проблема* — нем.) *Trebuie să finanțăm!* (*Вы должны профинансировать!* — рум.) *Trebuie să cumpărăm membru!* (*Мы должны купить член!* — рум.) — *Oh, oh! Grosse problem!* (*Ох, ох! Большая проблема!* — нем.) Остальные причитают. Даю им 20 тыс. лей. — *Danke schön!* (*Большое спасибо!* — нем.)

Комментарий Наталии Голант:

Появляются персонажи в белых халатах и марлевых повязках, как у врачей, но с инструментами, которыегодились бы скорее плотнику или палачу. Устрашающего вида «санитар» везет каталку, на которой лежит «больной», забинтованный с ног до головы. У «больного» красное нижнее белье и один... два... три фаллоса из различных материалов. «Больной» кричит, что у него какие-то проблемы с его «колбасой». «Ради одного куса колбасы не стоит тащить в постель целого борова», — говорят румынки². Очевидно, поэтому у данного персонажа есть также кусок дерева и кусок ткани.

«О, доктор Чому!» — говорит Отилия Хедешан, радуясь, будто при встрече со старым знакомым. Теперь я тоже вижу, что на спине одного из «врачей» написана фамилия «Чому» и, более крупными буквами, «Пластическая хирургия». В этот момент я еще не знаю, кто такой доктор Чому, но все же я не удивле-

¹ Фамилия нынешнего президента Румынии.

² Можно было бы упомянуть в том же регистре неприличного и «низкого» и выражение, которое ходит в мужских румынских кругах: «Ради одного вымени не стоит покупать целую корову!» (Прим. О. Хедешан).

на. Вспоминаю, что «доктора» и «фельдшеры», дающие всем глупые советы, являются обычными персонажами святочных ряжений в некоторых областях Румынии (например, в жудеце Илфов, Мунтения) [Vulcănescu 1970: 139–142]. У греков, албанцев и некоторых южно-славянских народов «доктор» является персонажем весеннего карнавала, так же как «монах», «солдат» или «полицейский» [Иванова 1977b: 322–336; Иванова 1977a: 313–321; Кашуба 1977: 243–273]. Подобный персонаж существовал и у итальянцев. В итальянской карнавальной обрядности присутствовали как раз «доктор» и «пациент» — Карнавал, который должен был умереть [Красновская 1977: 12–29]. Однако, будучи «глупым иностранцем», я сначала подумала, что доктор Чому, который разговаривает на ломаном немецком с Отилией Хедешан, является постоянным персонажем банатского *фашанка*, с устойчивым именем, так же, как, например, Маланка является персонажем святочного ряжения в Молдове (см., например, [Калашникова 1980: 102–112]). *Errare humanum est...*

Что же касается «пациента», то его можно было бы назвать *«bolnavul din faşanc»* («больной фашанка»), по аналогии со словосочетанием *«mortul din faşanc»* («покойник фашанка») — наименование основного персонажа традиционного карнавального сценария, сохранившегося в другом населенном пункте Горного Баната — селе Кэрбунарь). Его характеристики (наличие огромного «фаллоса») соответствуют характеристикам «покойника», «похороны» которого жители юго-востока Европы инсценировали ради того, чтобы обеспечить плодородие земли и хорошие урожаи («Калоян» у румын или «Герман» у болгар и сербов) [Ciauşanu 2001: 78; Василева 1974: 301–359; Златковская 1984: 165–173]. Отрезанный фаллос также может иметь, согласно некоторым традициям, фертильную силу. Так, согласно одному хеттскому мифу, один бог, проглотив фаллос другого, забеременел и родил трех сыновей [Всемирная галерея 1994: 110–129].

Комментарий Отилии Хедешан:

Как я уже говорила, *фашанк* в Молдова-Ноуэ идет в ногу с жизнью страны: он высмеивает, комментирует (когда с сочувствием, когда со злорадством) то, что происходит на политической сцене, не прощает глупости, лжи, чванства, некомпетентности. В какой-то момент я была удивлена тем, что сценарий «Спортивные пары» в этом году передает в беспощадном регистре улицы позитивное послание национального единения, веры в себя и самоуважения. И вот второй сценарий уравнивает финальное послание этого *фашанка*. Он делает это с беспрецедентной иронией, т.к. выбирает как репрезентативное из мно-

жества событий, произошедших в Румынии за последний год, катастрофическую операцию, сделанную врачом из Бухареста по фамилии Чому некоему пациенту 34-х лет, в результате которой хирург разрезал пенис последнего на три части. (Приведем отрывок из румынской ежедневной газеты «Evenimentul zilei» от 17 июля 2004 г.: «Напоминаем, что во вторник, 13 июля, молодому человеку по имени I.J., 34-х лет, доктором Наумом Чому по ошибке был ампутирован пенис, во время операции по удалению плохо сформированного яичка (операция средней степени сложности). До окончания хирургического вмешательства пенис был разрезан этим же врачом на три части. В тот же день молодой человек был срочно перевезен в Университетский госпиталь в Бухаресте, где хирурги, кажется, были в шоке от подобной ситуации».)

Разумеется, подобное событие само по себе кажется вырванным из карнавала — обычая, который Бахтин много лет назад определил как принадлежащий к народной смеховой культуре, площадной культуре, в которой важное место занимают образы материально-телесного низа [Бахтин 1990: 9, 28–31]. Достаточно процитировать уже ставшую канонической фразу, касающуюся европейских карнавалов, чтобы обнаружить это. Так, Рабле писал: «Наш самый ценный орган — не сердце, а этот алтарь нашего тела, в котором мы носим, как в святой чаше, семя, сохраняющее жизнь рода человеческого» [Febvre 1996: 147].

Нет ничего более естественного на этом фоне, чем эта смесь политического и социального, с одной стороны, и общие рамки местного *фашанка*, для которого один из традиционных сценариев представляет собой именно похороны фальшивого покойника с эрегированным фаллосом, подобного божеству, которое умирает, чтобы способствовать возрождению мира.

Вместо заключения

С помощью приведенных здесь этнологических документов и комментариев мы попытались выстроить картину *фашанка*, происходившего в городке Молдова-Ноуэ округа Караш-Северин в марте 2005 г. Верность представления достигается, на наш взгляд, при интерференции между объективностью этнологического документа и субъективностью наших комментариев, на пересечении взглядов «издалека» и «изнутри» и с помощью эффекта звучания голосов двух авторов, которые практикуют различные лингвистические стили и принадлежат к разным школам, вследствие чего у них возникают разные ассоциации по поводу увиденного и услышанного.

Библиография

- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура. М., 1990.
- Василева М.* Календарни празници и обичаи // Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974. С. 301–359.
- Всемирная галерея. Древний Восток. СПб., 1994.
- Златковская Т.Д.* Пути сохранения древнебалканской обрядовой традиции // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 165–173.
- Иванова Ю.В.* Албанцы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977а. С. 313–321.
- Иванова Ю.В.* Греки // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977б. С. 322–336.
- Калашникова Н.М.* Современный обрядовый костюм молдаван (Зимние праздники) // Советская этнография. 1980. № 5. С. 102–112.
- Каиуба М.С.* Народы Югославии // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977. С. 243–273.
- Красновская Н.А.* Итальянцы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977. С. 12–29.
- Попович Ю.В.* Молдавские новогодние праздники. Кишинев, 1974.
- Серов С.Я.* Народы Пиренейского полуострова // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977. С. 49–69.
- Chelcea L., Lățea P.* România profundă în communism. București, 2000.
- Ciauşanu Gh.F.* Superstițiile poporului român în asemănătoare cu ale altor popoare vechi și noi. București, 2001.
- Febvre L.* Religia lui Rabelais. Problema necredinței în secolul XVI. Cluj-Napoca, 1996.
- Gaignebet C.* Le carnaval. Paris, 1974.
- Hedeşan O.* Lecții despre calendar. Timișoara, 2005a.
- Hedeşan O.* Fețele unui identități reinventate. Obiceiuri tradiționale în Banat // «Lumina», Pančevo: an. LVIII. 2005b. Nr. 4–5–6. P. 65–72.
- Laplantine F.* Descrierea etnografică. Iași, 2000.
- Miller D.* (ed.). Acknowledging Consumption: A Review of New Studies. London; New York, 1995.
- Vulcănescu R.* Maștile populare. București, 1970.